Катастеризм

Автор:
Александра Голубева

Катастеризм

Александра Альфина Голубева

Не бывает технологий, способных вернуть молодость. Не бывает чудо-лекарств, способных вылечить любую болезнь. Или бывают? Зря мы, что ли, строили будущее?

В этом мире наконец-то можно позвонить на ключи, записи с видеокамер помогают распознавать потенциальных преступников, а бахилы не надевают, а напыляют. Мы нашли ответы почти на все вопросы – кроме парочки.

Как понять, что перед тобой: прорывная технология или шарлатанство? И что именно делать, когда эту «прорывную технологию» за бешеные деньги продаст твоим стареющим родителям безымянный коммивояжёр? Это же не может быть правдой – чудо-лекарств ведь не существует.

Верно?

Александра «Альфина» Голубева

Катастеризм

Умирать не так уж страшно, если делать это понемногу.

Грег Иган[1 - «Диаспора», 1998. Перевод – автора книги.]

Да что я, Лермонтов, что ли!

Булгаков[2 - «Необыкновенные приключения доктора», 1922.]

Глава 1

Задача коммивояжёра

У каждой квартиры есть свой запах. Где-то пахнет животными, где-то детьми, лыжной мазью или старостью; но главное – в любом месте, где обитают люди, отдаёт другим человеком. Запах этот нельзя назвать скверным, он – знак предупреждающий, а не запретительный. Жёлтый свет. «Ты здесь гость».

Запах есть у каждой квартиры – кроме, конечно, твоей собственной, ведь собственный запах человек не ощущает.

И однажды наступает странный момент, когда впервые замечаешь, чем пахнет квартира твоих родителей. Позавчера ты жил здесь сам, вчера заглядывал – и она была ещё твоей, а сегодня вдруг, развязывая шнурки в коридоре, улавливаешь что-то эдакое, что даже трудно назвать. Специи? Вроде нет. Пыль? Если и так, то какая-то особая. Может, старые вещи? Пожалуй – но не абы какие, а папино смешное кепи, что он не доставал уже лет двадцать, и на самом деле не кепи само, а запах папы на нём. Его человеческий дух. Он всегда был и твоим тоже, а потом однажды сделался посторонним. А ты стоишь теперь на пороге с вафельным тортиком и удивляешься: как так – вы разве тоже люди?

Отдельные от меня?

Даня уже много лет чувствовал этот запах. Но всякий раз, когда он приезжал к родителям, ему всё равно приходилось снимать у вешалки не только пальто и ботинки, но и гримасу этого удивления – ведь, наверное, удивление только потому и приходило, что навещал он их недостаточно часто.

Он старался быть прилежным сыном, но разве не в том счастье родителя, чтобы твой ребёнок жил полной, интересной, самостоятельной жизнью? А между полным да интересным поди наскреби золотые часы на дальнюю поездку.

– Проходи, проходи, я уже всё приготовила!

На полочке перед зеркалом в коридоре стояли миниатюрные лосиные рога, похожие не то на крылья, не то на многопалые инопланетянские руки, заломленные вверх в мучительном жесте. Впрочем, рогами они только выглядели – на самом деле эту штуковину папа выпилил из дерева. В подарок маме на какую-то годовщину.

Невольно улыбнувшись, Даня натянул на рога перчатки. Он всегда так делал.

Небритое широколицее отражение с хитрым видом натянуло свою пару перчаток на свою пару рогов.

– Данечка, не топчись, давай уже!

Интересно, в какой жизненный момент человек перестаёт называть себя сокращённым именем, подумал Даня, заходя в кухню и обнимая маму, жаркую от плиты. В книгах и СМИ никогда ведь никого не называют по-человечески. Если поверить печатному слову, выйдет, что живём мы в мире сплошных Базаровых, Онегиных и Катерин.

И нет нигде Жень, Женечек и Катюш.

Но сам он родился Даней, Даней отучился в школе и закрыл курсы, Даней стажировался и добрых пятнадцать лет проработал рекламщиком. Даней встретил тридцатилетие, Даней приехал сегодня к родителям в гости. И сколько ни лез он себе в душу, не отыскивался у него рычажок, который надо отжать, чтобы стать уже взрослым и солидным имяреком.

Может, однажды некий взрослый и солидный имярек, рычажок отжавший и зовущий себя по фамилии, встретится ему на жизненном пути – и можно будет узнать, на что это похоже.

Но не сегодня: уж для мамы-то с папой он точно Даня.

Всю жизнь, сколько Даня себя помнил, мама резала прямоугольные торты как круглые: не решёткой, а треугольными кусками через центр. Привычка, если вдуматься, очень странная, выросшая из какой-то старой студенческой шутки; но Дане до сих пор трудно было смириться с тем, что кто-то режет иначе. Как же тогда воевать за самый большой кусок?

Где же тогда интрига?

– И вновь ты не проходишь проверку на ум, честь и совесть, – улыбнулась мама, когда Даня грохнул себе на тарелку самый крупный треугольник. Вафля рассыпалась по морде намалёванного на дне лупоглазого щенка.

– На чужой роток не накинешь платок, – нравоучительно ответил Даня.

– Это выражение про гласность, а не чревоугодие.

– Расскажи подробнее, – жевал Даня. – Чем больше ты говоришь, тем меньше ешь.

Но мама и так не ела. И кофе, не сразу заметил Даня, сварила только на него одного – а сама прихлёбывала какой-то блёклый, хоть и душистый чай.

– Доктор не советует, – перехватила она его взгляд. Смутилась: – Давление. Ничего, сейчас папа придёт…

И сразу стало как-то неловко, будто весь этот уютный домашний пар – не по правде, а на заказ. Хотя почему не по правде? Пьёшь ты кофе или нет, что может быть всамделишней, чем посидеть с сыном на кухне? Пусть бы и с покупной едой, и с заказной – но мало что ценил Даня сильнее, чем устроиться возле плиты, в тепле, отчертившись от внешнего мира и посторонних окном. Он не любил ни кафе с ресторанами, ни официальных ужинов в гостиной.

Кухня – тёплое сердце дома, а кухня родителей всегда остаётся немного твоей, даже когда остальная квартира уже отсохла.

Может, потому что здесь запах еды перебивает все прочие.

– Ты б предупредила – я бы привёз тебе шпината. Или что там полагается здоровым людям.

Скуластое мамино лицо подёрнулось задумчивостью. Она потеребила уголок салфетки в салфетнице:

– Забыла. Ты уж прости. За всем не уследишь. Вот если бы ты с нами жил…

– Мам, – мягко ответил Даня, – я взрослый дядя. Я не могу жить с родителями.

– Конечно! Конечно! – всполошилась она. – Конечно, не можешь, я и не говорю! Просто… ты же понимаешь. Мы совсем не видим, чем ты живёшь…

– У вас же есть мои аккаунты. И в анаграме, и в заппере…

– Да-да, есть! Ты очень интересное пишешь! Конечно. Чепуха это всё. Да и мы далеко от метро живём, тебе было бы неудобно с работой. Ну, если бы только ты не захотел эту квартиру продать, переехать куда-нибудь, хотя, конечно, кто будет с таким возиться, вот ещё…

Мама отлично знала, что Даня работает удалённо, и продолжала мять салфетку.

В молодости Данина мама была очень красивой. Да и папа Данин в молодости был хорош собой. Он преподавал динамическую геологию у неё на курсе. Влюбился в скуластую смешливую студентку – не за академической скамьёй, а в экспедиции на Шпицбергене, когда во время полярного дня у неё выступили внезапно на носу веснушки. Благородно уволился, чтоб без конфликта профессионального с личным; позвал замуж; она согласилась, только с условием, что в её аспирантуру он снова вернётся.

В научные руководители, впрочем, его не взяла.

В молодости Данина мама была очень красивой. Они оба были красивыми, весёлыми, энергичными, настоящими. Ходили в Арктику; оттаявшая тундра

вместо штукатурочных стен и венок из ягеля вместо подвенечного платья. На свадьбу папа подарил маме молодого песца, засунув его в болотник, а потом они вместе выпускали эту злющую дикую шавку, чертыхаясь и не зная, как его так вытряхнуть, чтобы он никого не укусил и не пришлось прокалываться от бешенства.

Клочья песцовой шерсти выскребали из этого болотника ещё несколько лет. Может, это ими пахнет родительский дом?

Оба они были весёлыми и энергичными – а потом однажды перестали. Весёлыми, энергичными и геологами ведь бывают только молодые. После же из красивых люди становятся «в молодости красивыми». Пальцы их желтеют, веснушки прячутся за дефектами кожи, а на песцовую шерсть обнаруживается вдруг аллергия. И ездить в тундру стало вроде как не с руки – природа вовсе не спешила привечать по старой памяти тех, с кем прокутила в юности не одну полярную ночь. Мама взялась учить новое поколение тундроведов, благо цивилизация поползла нынче на север и желающие учиться находились. Папа взялся за выжигательный аппарат: для него всегда это было не про изобары с изотермами, а про запах можжевельника и следы воскресших мамонтов в проталинах – и как иначе их вернуть?

Дерево хотя бы пахнет – впрочем, в мастерской почти в центре Питера пахнет оно в основном выхлопными газами.

Как лупоглазый щенок со дна тарелки, вознамерившийся пристроиться поспать, Даня топтался мыслями на месте и кружил вокруг вопроса, как ему так поговорить с мамой, чтобы она перестала делать вид, будто не хочет того, чего на самом деле хочет, и при этом – поняла, что он никак не может ей этого дать.

К счастью, из этических тенёт его выдернул грохот двери. В коридоре завозились, потом по нему прошлёпали тапки, и в гостиную ворвался папа, привычно долговязый и самодовольный. Он улыбался от уха до уха и прижимал к свитеру какую-то картонную коробку.

– А я-то надеялся, что ты вышел в ларёк за картриджами для фильтра и теперь никогда не вернёшься, – обнял его Даня.

Папа был весь как будто пересыпан своей древесной пылью, хотя сегодня не ходил в мастерскую. Наверное, это случилось с ним уже давно, а Даня почему-то только сегодня заметил.

Наверное, он и правда слишком редко тут бывает.

Впрочем, улыбался папа жизнерадостно.

– Коммивояжёры, – развёл он рукой, второй продолжая лелеять коробку. – Поймал меня у самой двери, представь себе! И так удачно… Знаешь задачу коммивояжёра? Задача коммивояжёра: угадать такую квартиру, где тебе не пересчитают все зубы за навязчивую рекламу.

– Холодные продажи? В наши дни? Да ещё и успешные? – изумился Даня. – Не иначе скоро по улицам города Петербурга пустят конки.

Впрочем, вряд ли продажи были такими уж холодными: коммивояжёр наверняка приходил не вслепую. Даня много раз пытался втолковать родителям, почему не стоит сверкать направо и налево личными данными, но всё впустую. «Представьте, – объяснял он, – что вы часто покупаете курочку по скидке – и оставляете магазину свои контакты ради этой самой скидки. Вроде бы безобидно, да? Но кто-то вроде меня – а вернее, отдалённо похожий на меня алгоритм – где-то составляет ваш профиль и сохраняет там эту информацию. Вы, наверное, полагаете, что использовать её будут для рекламы – да, это так. Но вот рекламы чего? Индейки или горошка? Это было бы логично – если бы целью составителя профиля были ваши интересы. А в реальности у него свои. И он, например, из вашей любви к курочке сделает вывод, что вы предпочитаете некалорийную пищу – значит, наверное, на диете сидите. Значит, можно вам втюхивать какие-нибудь адские биодобавки и вредные программы для похудения. Понимаете?»

Они кивали – но не понимали. Как-то раз Даня даже нарушил рабочие инструкции и выгрузил им несколько килобайт данных для демонстрации. Мама с папой серьёзно сводили брови, делали уместные ремарки и согласились со всеми его доводами, а на следующий день оставили полное паспортное имя на очередной кассе.

Такое уж поколение.

Неудивительно, в общем, что к ним коммивояжёры ходят, а к Дане – нет.

– Ты погляди, погляди, – протянул папа маме свою коробку. – Вскрывай, не стесняйся. Это нам обоим.

От возбуждения он по-детски притопывал тапком, и Даня невольно заулыбался. Мама повертела в руках упаковку – стильную, как сейчас принято: с дорогой полиграфией, без названий и брендов; лишь стремительная красно-белая диагональная загогулина намекала, что в коробке вообще что-то есть. А была в ней вторая коробка, уже с названием: NanoSound BMX-960. Из залежей защитных полимеров и пакетов на свет показалось нечто вроде пояса: длинная цепочка из белых пластиковых бляшек, соединённых проводами и подмигивающих оранжевыми диодами. Система, кажется, была модульной: когда мама что-то нажала, устройство щёлкнуло и рассыпалось на несколько цепочек покороче. Видимо, пояс стал парой браслетов.

Мама сосредоточенно развернула инструкцию.

– Это генератор нанозвука, – сообщил папа полным пиетета голосом. – Семёныч про такой рассказывал, у него вся семья ходит. Мне, правда, только на один хватило, ну да мы с тобой как-нибудь… Это тебе для суставов, понимаешь? – он радостно схватил маму за руку, а потом, чуть смутившись, прибавил: – И мне тоже.

Очень аккуратные тонкие плашки NanoSound BMX-960, сделанные из бархатного пластика и приятные даже на вид, явно разрабатывались не последними дизайнерами. Солидное устройство, не индийский ширпотреб.

– И что, правда работает? – неуверен- но спросила мама, машинально потирая запястье.

– Ну а что, Семёныч врёт, что ли? Работает, конечно. Вообще оно в первую очередь для нормализации сосудов: они ведь изнашиваются, бляшки там всякие… а эту штуку надеваешь, включаешь – и нанозвук стимулирует стенки, придаёт им тонус. Кровообращение, соответственно, улучшается. Семёныч рассказывал, дочка его к экзаменам в этой штуке ходила – насыщала, значит, кровью мозг. Вот. – Папа пощёлкал переключателем. – Но мне объяснили, что

для суставов тоже хорошо. Суставы болят, потому что там истончается эта прослойка… а если улучшить кровоток, она тоже станет сильнее…

Мама с уважением провела пальцами по чудо-устройству.

– Ладно тебе, суставы. С суставами я проживу как-нибудь. Можно ведь и на дом заказывать… – она покрутила инструкцию в руках. – Но, получается, если стимулирует сосуды – то это атеросклероз, это инсульт… настоящие враги для людей вроде, ну, вроде нас с тобой, – она дипломатично не уточнила, каких. – А почему не в аптеке?

– В аптеке они тоже продаются. Только там стоят за полторы сотни, а эта – всего восемьдесят тысяч, у них какая-то акция… – Папа обернулся к Дане, подцепил глазами его взгляд – как щенок с тарелки ловит упавший на пол кусок колбасы: – Вот ты так цинично на всё это смотришь. А мне кажется, что в конечном итоге задача коммивояжёра – помогать людям. Да, наверное, он позвонил именно в эту квартиру, потому что знает, что тут… м-м-м… пожилые. Но разве это плохо? – Папа протянул Дане пригоршню NanoSound. – А? Скажи? Разве это – плохо?

Даня очень хотел сказать – но горло ему как-то так скрутило, что оттуда не вылезало ни звука.

Ему потребовалось несколько ударов сердца, чтобы опомниться, вскочить и побежать.

Возле залива строили дома, соответствующие нашему неспокойному веку: большие и величественные, как корабли. Дома эти покоились на насыпи, как на водах петербургского недоморя, ещё недавно здесь плескавшихся. Были они, пожалуй, чуть подслеповаты окнами и не особо хороши отделкой, но открывали глазам умопомрачительный пейзаж, хорошо сохраняли тепло зимой, изолировали звук и в целом радовали обитателей. Да и – что бы ни говорила мама – с тех пор, как метро ускорили, добираться на окраины стало проще.

Имелось у этих комплексов и ещё одно достоинство: просторные квартиры сцеплялись в длинные коридоры и при этом отстояли друг от друга достаточно, чтобы у приличного человека не возникало поводов знакомиться с соседями. В таких домах это просто не принято. Поэтому Даня, проведший здесь добрых две

трети жизни, знал только Раису Павловну из квартиры по диагонали – но когда он выскочил на лестничную клетку, заполошно огляделся и позвонил, у неё не ответили. Чёрт его знает, ушёл проклятый коммивояжёр по ступенькам или уехал на лифте, покинул жилой комплекс или продолжает торговать где-нибудь на два этажа выше! В таком огромном здании не разберёшься. Да ещё и наружная лестница, ведшая на улицу, оказалась отперта – как ни странно это в ноябре, когда коммунальщики перекрывают всё, что может заледенеть.

На эту лестницу Даня и метнулся в одной рубашке. Влажный прибрежный воздух врезал ему наотмашь и хлестал по щекам всё время, что он семенил вниз, шурудя глазами по пейзажу возле дома.

Но когда Даня вылетел на улицу, возмутив ударом двери голубей и мам с колясками, никакого коммивояжёра он не нашёл. Или нашёл? Может, коммивояжёр – это вот тот парень на ведущем к галечному пляжу спуске? Или хмурый мужик, дымивший неподалёку?

Даня внимательно их осмотрел и постарался запомнить внешность, но подойти не решился. Что он им скажет? «Здравствуйте, это не вы только что облапошили моего папу на восемьдесят тысяч?»

За такое уже и не ноябрьский ветер может по лицу дать.

– Что, всё-таки развели, да? – горько вздохнул папа.

Даня вернулся к родителям мокрый, выстукивая зубами странные ритмы – не то от холода, не то от злости. Пока он карабкался на тринадцатый этаж по безопасно огорожен- ной, но всё же наружной лестнице, на которой таки нарос лёд, он успел подумать много интересного не только о коммивояжёре-аферисте, не только о ленивых коммунальщиках, но и о папе тоже.

У него ведь высшее образование. Он в анамнезе преподаватель – и не литературного анализа. И тем не менее на старости лет без доли иронии произносит слово «нанозвук».

Наверное, всё это достаточно ясно читалось на Данином лице, потому что папа стушевался и беспомощно посмотрел на маму.

– Чёрт знает что, – сказал Даня. – Путешествие по волнам флогистона под звуки наномузыки. А тебе хватило дурости поверить!

Мама сложила ладони на груди.

– Не ворчи, скажи уж правду как есть. Не сто пятьдесят в аптеке, а шестьдесят, да? Нагрели нас? – Она вздохнула. – Но послушай, Данечка, ладно уж… Деньги, в конце концов, не главное в жизни, а если эта штука и правда такая полезная…

– Полезная? Полезная?! – заскрежетал Даня и двинул кулаком по столешнице. Это слегка вернуло его в чувство – и тут двинуть захотелось уже себе. Вот же он тупица! Вместо того чтобы нестись как угорелому наружу, надеясь непонятно на что, надо было сразу блокировать транзакцию, а лучше и карту папину тоже.

Теперь-то уже, конечно, ищи-свищи.

Хотя какая разница. Мама так долго разворачивала упаковку, что ничего бы они, конечно, перехватить не успели. Но в банк позвонить всё равно нужно – отметить платёж как мошеннический, чтобы, если деньги уж не вернуть, хотя бы начали отслеживать получателя.

– Смарт под рукой? – строго обернулся к папе Даня. – Срочно набирай банк.

– А там в приложении номер? – забормотал тот. – Я просто обычно не звоню, а в чат им пишу…

– Звонишь и говоришь, что последняя транзакция была мошеннической, что тебя обманули. Пусть заморозят счёт. Они уже не успеют, но ты всё равно скажи – вдруг. И пусть срочно проверяют кошелёк, или номер, или куда ты этому скоту деньги скинул…

Папа моргнул и как-то съёжился.

– Да у него… ну… терминал не работал, – пролепетал он. – У нас плохая связь в подъезде, ты же знаешь.

Даня не понял, а потом понял.

– То есть ты… заплатил ему наличкой? Просто взял и отдал ваши с мамой деньги какому-то мужику в подъезде?!

– Но тут есть чек, – взволнованно заметила мама, – на нём написано…

– На заборе тоже написано! – заорал Даня, подскочил и отвернулся.

Залив за окном перекатывался волнами так, будто ничего не случилось.

Ничего и не случилось, сказал себе Даня, прислоняясь лбом к стеклу и наблюдая, как то меленько дрожит. Ну, ничего смертельного. Не мышьяк же им продали, честное слово. И мама с папой – всё-таки не нищие, они за эти деньги не рояли таскали и не на рынке перепрошитыми смартами торговали, могло быть намного…

До чего скотские мысли.

Это такая психологическая защита: если тебе навредили, сделай вид, будто ничего особенного не случилось, не беда, переживём. Всякое бывает. Не больно-то и хотелось, чтобы сын обратно к нам переехал. Это всё чепуха.

Потому что очень стыдно сжать зубы и признаться: я бессилен. У меня нет того, чего я хочу. Меня обманули. Мой папа повёл себя как наивный лопух, но – сложно помнить, но ты помни это, тупица, помни! – главный виновник тут не он, а циничная сволочь, что ворует у людей деньги, манипулируя их слабостью и неуверенностью. Манипулируя тем, что у них болят суставы, что папе больно видеть, как мама хромает, а мама со страхом листает статистику мужской смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, а папа по ней уже долгожитель, а он ведь столько лет курил, и если есть возможность как-то защититься, как-то продлить, пусть бы даже переплатив немного, не в деньгах счастье – а сколько их ещё в Петербурге, наивных пожилых людей? Сколько ещё переменных коммивояжёр подставит в уравнение, чтобы у задачи был

положительный ответ?

Какой остаток положит в карман?

– Простите, – сказал Даня, поворачиваясь к родителям. – Мне очень хочется спросить, папа, как ты мог… на полном серьёзе… у тебя же высшее образование, ну неужели ты не понимаешь, что чудо-лекарства не продают в подъездах? Что не бывает технологий, которые одним махом вылечили бы тебе и понос, и золотуху, и сосуды, и суставы? Ты же не пещерный человек, сидишь в интернете, у тебя должны быть навыки критического… – он оборвал себя. – В общем, не важно. Простите. Никакого виктимблейминга. В произошедшем виноват не ты, а мошенник.

Папа с мамой стояли по ту сторону стола, взявшись за руки, как провинившиеся школьники. NanoSound они отложили подальше, будто разбитую вазу или смарт, на котором обнаружилась возмутительная переписка.

Папа виновато понурился, и у Дани снова всё скрутилось в животе.

– Ладно. Ладно. Ещё ничего не потеряно. Мы разберёмся – я разберусь. И призову мошенников к ответу. Как он выглядел?

– Коммивояжёр? – папа взволнованно поднял глаза, задумался. – М-м-м. Молодой парень, младше тебя… лет двадцать пять, наверное. Тёмные волосы, глаза… я не заметил…

– Вот что, – перебил Даня, – я и сам сейчас психанул, я не запомню толком. Ты лучше сядь – да, вот прямо сейчас – сядь и запиши это всё. Как можно подробнее. Или даже нет, я сейчас скачаю что-нибудь… приложение для фотороботов какое-нибудь… минуту. – Он повернулся к маме. – Говоришь, какой-то чек там всё же есть? Давай сюда чек.

Мама протянула чек.

На нём не стояло даже даты и времени.

А теперь, Даня, твоё дело – побыть хорошим сыном и сделать так, чтобы этот вечер не был маме с папой окончательно испорчен.

И он им побыл. Он шутил, и смеялся, и объяснял, что коммивояжёр, наверное, только выглядел молодо – а вообще-то был каким-то уж вообще старым дедом, иначе он сообразил бы, что камеры в подъезде его записали и завтра же – да что там, сегодня же! – Даня отправится в ЖЭК и эти данные получит, выложит в свои аккаунты, потом в полицию тоже сходит, но сперва огласка – в конце концов тут же важно и других предупредить о мошенничестве, верно? – в общем, всё образуется, и мы ещё повеселимся, но всё-таки, папа, давай-ка я напомню тебе, что такое звук, и что на самом деле делают нановолны, и что с тобой было бы, если бы эта хреновина в самом деле умела их излучать, а ещё, и это куда важнее, напомню, какими уловками пользуются мошенники и как проверять информацию, принимая любое важное решение, да нет, это было не очень важное, я понимаю, я сам как-то раз лоханулся крупно, сейчас расскажу, там просто хохма.

Он говорил весело, громко и много, потому что только так можно было не услышать виноватые нотки в папином голосе.

И не сорваться в ЖЭК прямо сейчас.

Глава 2

ID BARDO

«Приходите, – сказала она тогда. – В конце концов вашей главной задачей на новом рабочем месте будет не думать. Где ещё вам за такое станут платить?»

В итоге убедило его именно это.

Нужный дом Тульин нашёл не сразу. Деловой комплекс располагался где-то неподалёку от метро «Ладожская», но когда Тульин – признаться, впервые в жизни – из него вышел, то совершенно растерялся. Вокруг не было ни одного

здания человеческого масштаба, только гигантские многоэтажные коробки, эстакады да трёхметровые ворота, дома для башенных кранов и крипты разбитых автомобилей. При этом к так называемым улицам все они стояли под странными углами, окончательно сбивая с толку. У сновавших вокруг людей были пустые, сосредоточенные лица массовки, явившейся изобразить тут фон за слишком маленькую плату, и только цветастая плесень объявлений на стенах выдавала, что кто-то из них, вероятно, всё-таки живёт окрест.

Тут и там на домах моргали камеры наблюдения – прямо на виду, не прикрытые стыдливо козырьком или балконом, потому что козырьков и балконов у здешних строений не водилось. Тульин запрокинул голову и посмотрел в одну из них.

Такой глупостью казалась мысль, что однажды живой человек может потратить минуту своего времени на то, чтобы через эту камеру увидеть его лицо.

Что таким человеком вот-вот станет он сам.

Тульин проглотил желание развернуться и спуститься обратно в метро.

Если бы в Петербург вернулись либо пушкинские, либо ветхозаветные времена, а улицы затопило, на здешних проспектах легко разошлись бы две баржи, но поплутать по ним Тульину всё равно пришлось: он сперва отказался верить, что начерканный на салфетке «Уткин пр.» – это проспект, потому что таких нелепых названий у проспектов не бывает, и прочесал весь Уткин переулок, шедший к проспекту под углом и по ширине от него неотличимый.

Может, он зря в это всё ввязался.

Мимо «делового комплекса», где его ждало ООО «ID BARDO», Тульин тоже чуть не промахнулся. Крошечное здание, облицованное дешёвой плиткой и стыдливо отвернувшееся от проспекта к помойке, напоминало скорее дачный домик, и оставалось только гадать, как оно прошло проверку на минимальную этажность. Обычно в такие центры стягивались мастера чинить обувь, восстанавливать пароли от старых почтовых сервисов и гадать на картах – в общем, все те, кому запретили просто сидеть у метро.

В подобном месте сам бог велел получить монтировкой по затылку и не проснуться.

Ресепшена в здании не было. Входная дверь вела в покрытый линолеумом коридор с парой неподписанных дверей и напылителем бахил. Тульин растерянно сунул ногу в автомат и, пока тот с гудением выдувал зимнюю слякоть из подошвы, отыскал в почте буклет.

Раньше он в новых местах так не терялся.

В буклете ничего толкового не нашлось, но на гудение автомата, к счастью, открылась одна из дверей. Оттуда высунулся парень: невысокий, крепкий – не то киргиз, не то бурят; в общем, азиатской внешности. На нём была футболка с разноцветными роботами, которых Тульин, кажется, видел недавно в каком-то трейлере.

Программист, наверное.

– Вы к кому? – без акцента поинтересовался азиат.

– Вероятно, к Юлии Николаевне, – пробормотал Тульин.

– Паспорт?

– Вот, – он стащил зубами перчатку, порылся в сумке и протянул документы. – Моя фамилия Тульин.

– Ого, – азиат с интересом уставился в книжечку, – бумажный.

– Я могу и цифровой…

– Да не, не нужно. Юлия Николаевна предупреждала, – он протянул паспорт обратно Тульину, а когда тот взял, внезапно схватил его за ладонь. – Такаси Сунага, ассистент.

Руку Тульин пожал, но растерялся ещё сильнее. Спросить «так вы японец?» было бы в высшей степени невежливо, а из глубин каких-то туманных детских энциклопедий полезло вдруг воспоминание о том, что японцам полагается не жать руку, а кланяться. Причём у них ведь целая система: кому-то надо

кланяться слегка, кому-то сильнее, а кому-то и вовсе в пояс, и совершенно очевидно, что все эти знания сейчас не нужны, потому что Сунага сам прибег к местному этикету, а всё-таки…

Всё это, впрочем, было совершенно не важно.

Сунага, к счастью, зарылся в смарт и замешательства Тульина не заметил. А может, тот хорошо его спрятал, сделав вид, что очень занят вторым своим ботинком.

– Юлии Николаевны пока нет, – деловито запирал кабинет Сунага; сквозь щель Тульин разглядел только затылок монитора. – Да и не будет сегодня. Но это ничего. Я проведу вам инструктаж. Я проверил – вы уже зачислены, всё оформлено, можно хоть сегодня подключать. Так что осмотритесь тут…

А может – может, можно ещё развернуться и уехать? Он ведь пока ничего здесь не взял. Никто не имеет права его держать.

Но чтобы уехать, нужно что-то сейчас сказать. Будут вопросы. Будет недоумение. Будет как минимум удивлённый взгляд. Лучше уж просто дотерпеть до конца – а потом заблокировать все их контакты и больше не возвращаться.

Хотя если его подключат, то уже, наверное, нельзя.

Тульин отстранённо подумал, что сейчас, кажется, совершает какой-то решительный шаг. Зимним ботинком в напылённых бахилах – прямо в новую жизнь. По дешёвому линолеуму.

Худая жизнь лучше доброй смерти.

– В целом Юлия Николаевна объясняла мне суть, – тихо сказал он. Сунага живо обернулся:

– Запись при вас?

– Запись?..

– Инструктажа.

Тульин отвёл глаза.

– Не знаю. Если она делала запись, наверное, где-то у вас хранится?

– К вашему аккаунту ничего не приаттачено, – развёл руками Сунага. – А значит, даже если Юлия Николаевна вам уже всё объяснила, придётся повторить. Вы не поймите неправильно, она блестящий учёный и человек выдающихся деловых качеств… но всё ж таки человек. Значит, могла что-то упустить. Либо вы могли недопонять. А без записи это установить уже не удастся. Шарф снимите, пожалуйста.

– Что?..

– Шарф снимите.

Тульин неохотно стащил шарф, прежде натянутый до носа. Это было почти больно, будто он – не кожу сдирал, конечно, но отклеивал от неё присохший пластырь. Поразительно, как всё это стало ему непривычно.

Сунага же будто и не заметил ожоги у него на лице, свежие и нелепые, как если бы Тульину вчера исполнилось четырнадцать, а сегодня он впервые взял в руки бритву. Он ловко просунул руку Тульину за ворот пальто и прицепил к рубашке петличку. На его собственной футболке такая уже болталась.

– Ваши вопросы тоже запишем, – пояснил он. – Запись будет доступна для скачивания в течение суток по ссылке из вашего аккаунта, потом ссылка устареет, новую, если что, надо будет запрашивать. Ну, впрочем, это быстро, так что не волнуйтесь. Вам не жарко?

Тульину было жарко, но он мотнул головой.

– Теперь о том, как пройдёт инструктаж. Он иногда бывает утомительным – заранее прошу прощения, но это необходимо. Я начну с разъяснений, чем именно мы занимаемся, на каком материале и с какой целью проводим работу, какова ваша роль. Это может показаться излишним, тем более что, как вы

говорите, вам Юлия Николаевна уже объясняла, да и сами вы наверняка почитали в интернете, но иначе всё же никак. После этого перейдём к рабочему процессу, организации труда, коллегам и так далее. Ну а потом уж, если всё будет хорошо, вас подключим. – Они шли по узкому, неприятному коридору между закрытыми и полуоткрытыми дверьми, за которые Тульин не заглядывал. – Есть ли уже вопросы?

Есть ли у него вопросы?

Какой хороший вопрос.

– Скажите… – Тульин запнулся, – я правильно понял, что моим главным занятием здесь будет не думать?

Сунага обернулся на него с любопытством.

– Ну, в некотором роде. В том же, в каком занятие, скажем, штукатурщика – не бегать. Не может же он бегать, пока работает со штукатуркой, верно? Но не волнуйтесь, вы не заскучаете.

– Я не волнуюсь.

Это была правда.

Вот как объяснил суть работы Сунага.

Человечество стоит на пороге кризиса – более масштабного и травматичного, чем индустриализация. Прогресс всегда, неизбежно, обессмысливает одни занятия и создаёт пространство для других. Когда в цехах трудилось много рабочих, существовала специальная профессия человека, который их развлекал. С появлением радио она обессмыслилась. А потом и рабочие из цеха разошлись.

Потом алгоритм заменил диджея, а процедурный фанк – авторскую музыку.

Десятки лет мы жили в высокомерном ощущении, что автоматизация, алгоритмизация и нейросети отберут у нас работу скучную, монотонную и

рутинную, но творчество, искусство и всё интересное останется за людьми. «Ты всего лишь машина, имитация жизни. Робот сочинит симфонию? Робот превратит кусок холста в шедевр искусства?»

Как выяснилось, да.

Робот напишет миллиард картин. Триллион симфоний. Самый талантливый композитор – лишь скучный, склонный к бесконечным самоповторам болван на фоне эволюционирующего сетевого алгоритма, порождающего любую гармонию.

Самый блестящий художник – лишь жалкий ремесленник.

Древние греки недаром почитали улитку золотого сечения, а Леонардо – распинал смешного многорукого дядьку в квадрате. Они давным-давно разобрались, что наши представления о красивом и гармоничном, в общем-то, очень просты, всеобъемлющи и ритмичны. Мы знали это и воспевали это, замечая красоту в кристаллах, кораллах и листве, но почему-то чертовски удивились, когда выяснилось, что машина легко обучается гармонии.

Мы были готовы сдать им профессии продавцов, водителей, почтальонов и учителей.

Но их загребущие железные лапы протянулись к юристам, композиторам, писателям, программистам и учёным.

Мы вышли в тираж – или выйдем завтра. Поэтому сегодня благоразумным людям стоит обратить своё внимание на те немногие сферы, где человек пока что всё же превосходит нейросети.

Миллионы лет эволюции не пропьёшь: некоторые навыки нам удалось отточить настолько, что даже существенно большая вычислительная мощность пока не может нас превзойти. Один из этих навыков тавтологичен: восприятие и интерпретация человеческой же деятельности, выражений лиц и социальных маркеров, в общем – всяческой визуальной информации, связанной с нами же самими. Нейросеть легко скомпилирует небрежный, но вполне читаемый текст из библиотеки аналогичных, легко достроит параллакс из двухмерной фотографии, но до сих пор с трудом и заиканием отличает агрессию от иронии. В теории и этому её можно обучить – но времени и вычислительных мощностей

потребуется столько, что в кои-то веки выгоднее поискать альтернативу.

ID BARDO, например, экспериментирует с созданием распределённой бионейросети, вооружившись архивом видеозаписей с камер наблюдения.

Камеры наблюдения в России распространены очень широко. А поскольку сама Россия тоже распространена очень широко, поддерживать всю эту инфраструктуру государство, конечно, не может: оно лишь выпустило ФЗ «Об общественной безопасности», по которому «обеспечение жилых пространств видеокамерами и/или иными средствами аудиовизуального слежения» стало обязательным – примерно как оснащение домов пожарными лестницами; а дальше уж каждому ЖЭКу пришлось изворачиваться самостоятельно, придумывая, как это организовать. Частных компаний, готовых предоставить услугу, хватало – не хватало щедрых чиновников, готовых предоставить бюджет. Даже с учётом того, что в итоге всё это добро включили в коммунальные платежи и повесили на население, пришлось договариваться.

Например: частная компания «Аргус» устанавливает и поддерживает камеры в микрорайоне по дешёвке – но взамен оставляет за собой право пользоваться собранными данными по своему усмотрению. Разумеется, полиции и прочим надзорным органам такие записи уже открыты, так что «Аргус», выходит, просит сущую мелочь – права хранить и анализировать эту (всё равно доступную!) информацию на своё усмотрение. В конце концов, камеры стоят только в публичных пространствах, в квартиру и под юбку ни к кому не лазают. Всю эту информацию и так можно получить – просто не в таком объёме. Количество насильственных преступлений падает, раскрываемость растёт – и всё это по сходной цене. Согласитесь, общественный порядок и безопасность того стоят.

Частная компания «Аргус» не собирается домушничать. Она всего лишь предоставляет рекламодателям данные совершенно нового уровня: о физическом, а не только информационном поведении горожан. Иногда это значит, что, если вы заболели и не вышли на работу, именно сегодня вам придёт реклама доставки пиццы.

Иногда камеры фиксируют, как от женщины с тремя детьми ушёл мужчина, и через два дня ей удачно предлагают микрокредит.

А ещё частная компания «Аргус» сотрудничает с ID BARDO. Те арендуют у них огромные массивы данных, потому что записи с камер наблюдения – информация именно того рода, что легко поддаётся анализу человеческим мозгом: они фиксируют людей и их поведение. Разумеется, рекламные агентства уже вдоль и поперёк прочесали эти записи при помощи нейросетей машинных: сколько собачников и в какие часы выводят своих питомцев вот в этот сквер, сколько секунд в среднем тратится на чтение вот того дорожного указателя – и тому подобные легковычленимые метрики. Но ID BARDO полагает, что это лишь вершина айсберга, ничтожная толика информации, которую можно из этой руды извлечь.

А что, к примеру, если взять все видеозаписи, запечатлевшие двух и более людей, предположительно незнакомых (пришедших под камеру с разных сторон или не одновременно), но остановившихся и вступивших в некую коммуникацию на улице, и прогнать оные через эн человеческих мозгов, распознавая язык тела и делая гипотезы о типе социального взаимодействия? Так мы впервые в истории смогли бы точно установить, к примеру, количество неслучившихся агрессивных преступлений – убийств, грабежей, изнасилований. Как часто потенциальной жертве удаётся разрядить угрозу? И с помощью каких действий?

Вдумайтесь, каким это стало бы прорывом: не только разбирать уже случившиеся преступления – хотя этим мы тоже, признаем, не гнушаемся, – но и понять что-то о потенциальных. Не обвинять, не преследовать, что вы! Мы же не в антиутопии. Но – проанализировать, что же делали те, кому удалось не стать жертвой. Сбить с толку грабителя. Не спровоцировать убийцу.

Отказать мошеннику.

Мы не можем, конечно, прочитать мысли каждого потенциального грабителя и убийцы. Но можем увидеть, звериными своими инстинктами почуять, когда на записи невинный турист уточняет дорогу, а когда – гопник уточняет, «с того ли ты раёна».

Можем, Тульин, можем, не хмурьтесь. Даже если вы не доверяете своему социальному интеллекту на вербальном, поверхностном уровне, если вы склонны к сомнениям и «а точно ли я правильно понял», где-то в недрах вас обитает куда более компетентная и самоуверенная тварь. Та самая, которую тошнит от езды в машине, потому что когда-то в древности только при отравлении бывало так, что ноги не движутся, а картинка плывёт перед

глазами. Та самая, у которой вся шерсть дыбом от скрежета вилки по стеклу, потому что криком подобного тембра соплеменники предупреждали её об опасности.

Эта тварь зарыта в пластах и наслоениях паршивого кода, её невозможно от вас отделить. Но от способности понять, гопник перед ней или турист, тоже когда-то зависело её выживание – так что она разберётся, хотите вы этого или нет.

Собственно, на работу мы берём именно эту тварь. А весь ваш прочий паршивый код придётся нам потерпеть.

– В этом и шутка названия, – доверительно заметил Сунага. – ID BARDO. «Ид бардо». Бардо – это, скажем так… промежуточное состояние между чем-то и чем-то в буддизме. А «ид» – это, как вы понимаете, по Фрейду.

– «Ид»? Я думал, это «ай-ди». ID… ну, как это. Идентичность.

– Не, – Сунага улыбнулся. – Фрейд выделял у человека эго, суперэго и ид. Личность; идеалы, к которым мы стремимся; и бессознательное. Всё это, конечно, устаревший взгляд на психику, но мы хотели передать смысл. ID BARDO – это, значит, промежуточное звено, посредник, который позволяет работать напрямую с вашим бессознательным. Поэтому я и говорю, что мы, в сущности, берём на работу не вас. Не совсем вас. Понимаете?

Тульин ничего не ответил. Даже без шарфа под воротником пальто шея его взмокла. Свою небольшую лекцию Сунага читал приветливо, энергично – тоном человека увлечённого и искреннего, верящего в то, что делает.

Слушать это было совершенно невыносимо.

За время лекции они успели подняться на второй этаж, пройти здание насквозь, и сейчас стояли в небольшом зале. Жалюзи, вешалка, кулер, столик с закусками, несколько обычных офисных столов с экранами и консолями, свалка наушников и внешних клавиатур для смартов, кресла-мешки – в общем, обычный рекреационный опенспейс.

И – люди.

Здесь работали люди.

В своей вдохновенной речи о том, сколь ценным и благородным делом занимается ID BARDO, Сунага зря не упомянул о ещё одном достоинстве организации: она предоставляла рабочие места категориям граждан, которым работу найти бывает непросто. На креслах в расслабленных позах сидели старики, школьники и несколько ребят такого вида, у которых не тянет спросить, на что именно они тут себе зарабатывают. Подобный контингент нередко промышляет клакерством на ток-шоу или платными соцопросами – в общем, собирается там, где не особо важны твои навыки, а важно просто…

Просто быть человеком.

Все кресла привалились к устройствам, напоминающим не то продвинутые тренажёры из зала, не то геймерские приспособы: вертикальным рамкам из пластика и металла, с которых плафонами настольных ламп свешивались капюшоны для головы. Люди развалились на креслах совсем низко, они почти лежали, нагнув технику как можно ниже.

Надевались капюшоны – предсказуемо – на голову, но закрывали лишь её половину. Неожиданно, что не переднюю: начинаясь от темени, устройство обхватывало затылок и спускалось по шее; лица же сотрудников ничто не загораживало. При этом мониторы вообще были включены разве что у пары из них. С виду люди в зале будто бы отдыхали: некоторые дремали, некоторые играли во что-то на смартах или рисовали, а один парень вязал.

– Они не смотрят записи с камер, – отметил Тульин.

Сунага хмыкнул:

– Ну что вы. Проходить на экране капчу? Это же и так делают миллионы людей по всей планете – и это совсем не те скорости, которые нас интересуют. Нет, подключаемся мы напрямую – минуя глаза и даже частично минуя зрительную кору. – Он покачал головой. – Часть сигнала и вовсе идёт сразу по вентральному зрительному пути – в общем, без перцепции, а сразу к интерпретации.

– То есть это получается… надо распознавать картинки, даже не видя их?

– В некотором роде. Вы раздевайтесь, я покажу вам макет.

Тульин послушно отправился к вешалке. Рядом с ней на стене висело большое чистое зеркало, он невольно взглянул – и изумился тому, насколько нормально выглядит. Если не считать ожогов от бритвы, из зеркала на него смотрел обычный человек. Взъерошенный, рыхлый и с неприятной сероватой кожей, но в целом – совершенно непримечательный.

Ни ввалившихся глаз, ни пылающего клейма на лбу.

А впрочем, даже если бы клеймо и было, в BARDO его попросту бы не заметили. В глубине зеркала, на дальнем конце стеклянного зала, в контроллер вцепилась девочка в бирюзовом бодлоне. На вид ей было не больше пятнадцати, и она энергично расправлялась на экране с небосводом, сцепляя звёзды в созвездия по неким неочевидным, но наверняка хитрым правилам.

Но глаза её оставались совершенно стеклянными. Мёртвыми, как наспех приклеенные пуговицы. Она даже не фокусировала взгляд на экране. Вероятно, именно потому, что её зрительная кора, или как там, была занята другими изображениями – умом Тульин это понимал, а на деле невольно скривился и отвернулся.

Пустые, туповатые лица людей, у которых часть мозга ушла на работу, а их самих оставила тут, в зале, – играть в игры и вязать шарфики. Как детишек в детском саду.

И вот эти мёртвые детишки теперь сидят здесь и ждут, пока разум вернётся с работы, заберёт их домой и можно будет снова стать целым.

Да, подумал Тульин.

Я впишусь.

– Главную тонкость рабочего процесса вы, кажется, уже заметили, – сообщил Сунага, втыкая смарт в проектор. В небольшой переговорке, куда они зашли из зала, было пусто и темно. – Мы нанимаем вас, чтобы ваш мозг анализировал визуальные данные, но, собственно, вам не придётся на эти изображения смотреть. Сигналы подаются напрямую в мозг – и интерпретация тоже считывается напрямую из мозга, вам не нужно будет нажимать кнопки, ничего вводить и описывать. Наш опыт показывает, что дополнительная сознательная интерпретация только замедляет процесс и размывает результаты. – Сунага дружелюбно улыбнулся. – Вас это, наверное, удивляет – многих удивляет, – но, если вдуматься, это совсем не странно. Качественное выполнение любой типовой задачи требует автоматизма, и я не только о физическом труде. Вспомните, скажем… скажем, синхронных переводчиков, – запинка его звучала отрепетированно, он наверняка не раз уже читал эту речь. – Если бы переводчик задумывался о значении каждого слова, он бы далеко не ушёл, верно? Свободно пользоваться языком – значит мгновенно, автоматически получать доступ к смыслу слов и конструкций, не обращаясь к рациональному мышлению и заученным знаниям. Схожий эффект мы используем и здесь. Когда ваш мозг считает на записи то, что расценит как агрессию, он невольно выдаст эмпатический fight-or-flight response[3 - Реакция «бей или беги» – англ.], ну то есть на мгновение как бы приготовится взаимодействовать с агрессором, и этой информации нам пока что достаточно. И не только с агрессором – я уже упоминал, что нас интересуют не только агрессивные преступления, но и, к примеру, мошенничество… Да и вообще, – Сунага усмехнулся, – я упрощаю. Мы проанализируем куда больше нюансов вашей реакции, но суть… Практика показывает, что рационализация, которую респонденты приводят поверх этой рефлекторной реакции, обычно только увеличивает число ложных срабатываний.

– Майнинг мозгов, – пробормотал Тульин.

Сунага поднял брови в жесте добродушного удивления. Тульин смутился.

– Ну… – он махнул рукой в сторону зала. – Все эти люди – они же, получается, не работают. В смысле, сами не работают. Они лишь… предоставляют вам свои мозги. К вычислительным мощностям которых вы подключаетесь. – Он потёр лицо. – Я бы сказал, что это напоминает проституцию, но для неё вообще-то нужны навыки. Скорее… это как суррогатное материнство. Когда просто чужое тело берут взаймы.

В зале зазвенели фанфары. Наверное, девочка успешно очистила небо от звёзд.

– Взгляд любопытный, – серьёзно кивнул Сунага. – Но в конечном итоге любая работа берёт ваше тело взаймы, разве нет? Строитель за деньги напрягает свои мышцы. Программист – мозги. Менеджер – нервы. – Последнее он произнёс с особым достоинством.

Да, но что-то у тебя я стеклянных глаз не наблюдаю. Потому что с нерадивым соискателем тут всё же бодаешься ты, ты сам. А не какая-то там отдельная часть твоего мозга, в которую сейчас воткнут штекер (или что там в меня собираются воткнуть) – и потом ещё скажут, что рефлексировать не надо, рационализировать не надо, кнопки нажимать не надо, расслабьтесь и вяжите.

– Да я так… – Проектор замер на демонстрации цветастого мозга в разрезе и пока продолжать не спешил.

– Вам, наверное, интересно, как же это устроено. Даже если сигналы посылают напрямую в мозг, разве это не значит, что параллельно не стоит пользоваться глазами? А в зале люди играют в игры. – Сунага подмигнул. – Все об этом спрашивают, да и неудивительно. Это феномен, которого не ожидали мы сами: оказывается, человеческий мозг относительно легко способен распараллеливать обработку двойных визуальных сигналов. Нейроны зрительных областей довольно избирательны – есть, например, группы, отвечающие сугубо за распознавание лиц. Поэтому если две визуальные задачи заметно различаются, интерференция, как ни странно, не очень сильна. Зато когда мы закрывали сотрудникам глаза, они порывались уснуть, а вот это как раз не слишком полезно для процесса.

– Да? – удивился Тульин. – Потому что там, в зале, по-моему, некоторые…

– Это те, кому нравится сосредотачиваться на работе и на самом деле смотреть картинки, которые они анализируют, – покачал головой Сунага, – обычно новички. Как бы то ни было, строго не рекомендуются визуальные стимулы, близкие к анализируемым данным: изображения людей и антропоморфных существ, любые модели социальных ситуаций. А, например, повторяющиеся узоры вязания осложнений не вызывают.

Или созвездия.

– Это вредно?

– В той же степени, в какой любая другая напряжённая работа. Вредно ли быть профессиональным спортсменом? Да – но многих это не останавливает. То, что мы предлагаем, – это, безусловно, интенсивная стимуляция определённых зон мозга. И, безусловно, технология экспериментальная…

Экспериментальная.

Если бы Тульина спросили, чего он здесь ожидал, он вряд ли сумел бы ответить. Белых халатов, блестящего никеля? Смешно. Но происходящее не тянуло даже на старые игры в жанре киберпанк: там, конечно, показывали грязь – но всё в этой грязи гудело сотнями реле, всё в ней сияло неоновыми вывесками и диодами. А тут… в этом офисе хотелось взять микрозайм – или, может, люди в соседнем зале напоминали собрание квартирных жильцов. Да, пожалуй, именно его, потому что на них обычно приходят те, кому нечего делать: старики, маргиналы и дети, – а мамы и папы в это время занимаются какими-то нормальными делами.

И в то же время – бионейросеть, прямое подключение к мозгу и прочие…

Экспериментальные технологии.

Чтобы стать узелком в бионейросети, не нужно ничего уметь – как не нужно ничего уметь, чтобы выносить в утробе и родить чужого младенца. Поэтому и платили тут негусто, поэтому и сотрудники такие собрались. Если бы Тульин мог нормально работать, он бы здесь не оказался.

Но за жильё-то платить надо.

Наверное, будущее так и наступает: на голову. Ты думал, что случится какая-то смена декораций; что поперёк бытия однажды загорится пылающий титр «аугментация, недорого», а на домах вдруг появятся вывески с иероглифами. Но вывеска по-прежнему гласит «шаверма», а в будущее входят в бахилах.

Ведь ты думал – тебе говорили, что ты венец творения. A paragon of animals, как вещал несчастный принц.

Но венец творения – это не ты.

Венец творения наденут тебе на голову, чтобы ты стал хоть немного менее —

Глава 3

Апоптоз

От проклятых видео с проклятых камер голова у Дани шла кругом.

Вообще говоря, заниматься ими он был совершенно не обязан. Заявление уже лежало в полиции, и добропорядочный гражданин смело мог расслабиться и просто ждать результата. Но нотариальные боты все в один голос заверяли, что куда надёжнее будет найти нужные секции видео самому и принести их в полицию уже размеченными, потому что, если изучить историю подобных обращений, то выяснится, что следователям «не всегда хватает времени это видео тщательно отсматривать». Из-за нехватки ресурсов дела затягиваются, откладываются на следующий квартал, ну и понятно. Кстати, голосили хором нотариальные боты, в наших конторах можно заказать подобную услугу, детекция движения на видео – дело нехитрое, и за очень скромную сумму, начиная всего с пятнадцати тысяч…

В общем, дешевле было заплатить провайдеру за записи и отсмотреть их самостоятельно.

Ему хватило мозгов запомнить почти точное время, когда мошенник, всучив папе NanoSound, скрылся, а папа в итоге сумел составить какой-никакой фоторобот подлеца. Всего три человека выходили в то время из жилого комплекса. Если, конечно, не считать четвёртого – белобрысого, взъерошенного и в одной рубашке, выскочившего на улицу, пометавшегося там нелепо полминуты и вбежавшего обратно.

В отличие от него, остальные трое по зиме замотались в пуховики, шарфы и шапки – даже пол их не особо удавалось определить. Одежда с папиным описанием не совпадала ни у одного, папа настаивал, что коммивояжёр вообще был в куртке. Получалось, что он, продав NanoSound, либо пошёл по другим квартирам (от мысли, что его, получается, ещё можно было тогда поймать, у Дани немела челюсть), либо переоделся, что было уже, конечно, вопиюще преступно.

По идее, с этими деталями как раз и должна была разбираться полиция – но Даня всё же хотел в помощь им отметить на записи и моменты, когда хоть кто-нибудь из подозреваемых (их уже можно так называть, «подозреваемые»?) входил в подъезд. Вот он теперь и сидел, уткнувшись в смарт и созерцая родительский подъезд в пятикратном ускорении и обратной прокрутке.

Всё в этом героическом плане было разумно и благородно – кроме одного: отсматривать видео оказалось скучно до тошноты. Никакой праведный гнев не выдерживал испытания медитацией на родительский подъезд, где минуту за минутой в ускоренной перемотке

НИЧЕГО

НЕ

ПРОИСХОДИЛО.

Даня всё же глянул, сколько стоит ближайшая программа, готовая разметить видео автоматически, и прилив жадности его мотивировал – но ненадолго. Он попробовал полистать видео вручную; вроде бы наткнулся на какое-то движение, но тут же его потерял; попробовал найти нужное место, потратил на это добрых минут пять и в итоге вынужден был вернуться к изначальному плану.

Быть праведником получалось как-то не очень.

Глубоко вздохнув, Даня включил телик – пусть хоть на фоне бумбит – и подключился к серверу. Вообще-то встроенного железа его телика вполне хватило бы на то, чтобы самому открыть браузер и запустить видео, а удалённое

подключение замышлялось для игр, но автоматизм тела не спрашивал – он нажимал кнопки не логичные, а привычные. «Рекомендуемые» предлагали обзор какого-то свежего сериальчика, но обзоры, как ни прискорбно, всё же требовали поглядывать на экран, поэтому вместо них Даня тыкнул в какого-то усатого представительного дядьку в пиджаке – наверняка этот только болтает.

– …обещанную технологическую сингулярность, но упускают из виду сингулярность культурную, – вещал дядька. – Термин этот, разумеется, я использую иронически, но в каждой шутке, как говорится… Позволю себе напомнить, что культура – это итеративный, но бесконечно обновляющийся процесс. Мысли сменяют мысли, жанры сменяют жанры. Однако скорость этих изменений растёт экспоненциально. Если в период Возрождения один и тот же художественный канон мог держаться веками, в XIX–XX веках жанры жили десятилетиями, то теперь мы вступили в эпоху мемов – культурных единиц, срок жизни которых измеряется днями. Я использую термин, разумеется, в новом смысле, не по Докинзу. И даже среди мемов мы наблюдаем ускорение: если на заре возникновения Всемирной сети они держались по несколько лет, то сейчас срок их жизни измеряется днями, а то и часами. – Дядька звучно причмокнул, видимо, глотнув воды. – Особо интересно то, сколь ярое отторжение вызывают у людей с высокой, так сказать, мем-флюэнтностью, то есть со свободным владением мемами… так вот, сколь ярое отторжение вызывают у них мемы устаревшие. Это действительно можно сравнить с разочарованием от кинокартины, устаревшей на 10–20 лет, – только в случае с мемами речь идёт о нескольких днях, а недавно был зафиксирован мем, устаревший к вечеру того же дня, когда он зародился. Означает ли это, что скоро мы вступим в эпоху, когда новые культурные единицы будут изобретаться каждую секунду и каждую же секунду отмирать? Идея такая звучит откровенно абсурдно, но здесь стоит вернуться к концепции технологической сингулярности и вспомнить…

Не выдержав бубнежа, Даня тыкнул в «следующее».

Название соседнего с усатым дядькой видео выглядело довольно эксцентрично:

ПИНДОСЫ ОТКРЫЛИ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ И САМИ ЕЁ ЗАПРЕТИЛИ

ДЕБАТЫ

РЖАКА

Впрочем, тыкнув в заголовок, Даня выяснил, что оригинальное название было немного скромнее:

Eternal youth – a statutory crime? The debate that sparked the Robertson-Colbridge Act[4 - Вечная молодость – статутное преступление? Дебаты, приведшие к появлению закона Робертсона – Колбридж (англ.).]

Видео щеголяло бешеными миллионами просмотров – видимо, из-за популярности алгоритмы его Дане и предложили. Правда, судя по графу зрительской активности, минут через десять большинство зрителей отваливались – и, быстренько протапав превью, Даня понял, почему: во-первых, оно было на английском и без субтитров, а во-вторых,

РЖАКА

получилась неполноцен- ной: в конце никто не бил никому морду.

Интересно, что фигурировавшей в названии Колбридж на видео не было. Даня уже почти отправился гуглить, кто это такая (по верхним комментам он понял только, что женщина), взял в руки смарт – и обнаружил там какое-то видео с каких-то камер, о которых за эти десять минут благословенно успел забыть.

Его обожгло краской.

И ведь не рояли он грузит, не теорему Ферма доказывает, всего-то и нужно – полчасика посидеть в тишине, изучая видео с камер наблюдения. Не для денег, не для себя, для папы с мамой! Что он за человек-то такой, если даже тут не

может сосредоточиться?

Даня решительно повернулся к телику спиной, но потом, поразмыслив, дебаты всё же запустил. Пусть себе на фоне разговаривают.

– …Я вынужден буду потратить отведённое мне регламентом время на небольшую лекцию по биологии: во-первых, я верю в значение просветительства, а во-вторых, наша беседа получится беспредметной, если вы не поймёте, в чём суть процесса, – сказал мужской голос, низкий и довольно эмоциональный; Даня немедленно представил, как говорящий сопровождает слова броской жестикуляцией.

– Пожалуйста, мистер Шарп, – ответила женщина – видимо, ведущая. – Вы можете делать что угодно в рамках регламента.

– Окей, – Шарп набрал в грудь воздуха. – Итак. Что вообще такое смерть? Оставим сейчас в стороне теологические и экзистенциальные интерпретации, я говорю про смерть в сугубо биологическом её понимании. Естественная смерть, – он сделал драматическую паузу, – обычно происходит, когда у человека отказывает один или несколько органов или систем организма. А почему они отказывают? Потому что износились. Почему же изнашиваются? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сформулировать, что такое жизнь.

Ведущая еле слышно хмыкнула, но не перебила. Камера наверняка проехала по перешёптывающимся зрителям.

– Человеческая, да и любая другая биологическая жизнь – это… процесс. Бесконечная цепь химических реакций. Мы… понимаете, мы воспринимаем себя как объекты, но в действительности это не так – строго говоря, никаких объектов не существует в принципе, вселенная – это череда пустот… но я отклоняюсь, простите. Важно, что человек не статичен. В нём ежеминутно рождаются и умирают новые клетки. Этот процесс имманентен жизни, его нельзя затормозить. Мы все ещё на одной странице?

Невнятный гул зала продемонстрировал, что аудитория, видимо, более-менее согласна.

– Но почему этот процесс – деления, преумножения и обновления клеток – не может происходить вечно? Собственно говоря, он может… например, в стволовых клетках… но в большинстве случаев всё упирается в так называемый предел Хейфлика. Если коротко, суть в том, что каждая клетка может поделиться лишь ограниченное количество раз и каждое деление чуть-чуть её изнашивает. То есть после деления она уже не совсем такая же, как была до. И это даже в тех случаях, когда репликация – то есть деление – прошла успешно, без каких-либо мутаций. Соответственно, чем дольше человек живёт, чем больше раз делились его клетки, тем ниже в среднем их качество и тем больше накапливается ошибок. Если хотите яркую аналогию, представьте себе jpg-файл, который сохранили, загрузили на сервер, снова сохранили, снова загрузили и так далее… каждый раз при этой процедуре на нём появляются артефакты. Каждый раз их немного, отличить одну итерацию от другой почти невозможно. Просто в один печальный день вы обнаружите, что уже не можете разобрать, что же там нарисовано. Понимаете?

Телик отражался в секретере, и Даня увидел, как показанная крупным планом темнокожая ведущая качнула головой. В стекле сверкнули её длинные золотые серьги.

– Теперь мне придётся немного нагрузить вас терминами – я хочу, чтобы вы точно и в подробностях понимали, о чём идёт речь. Это окей? – вновь обратился к ведущей Шарп; она, кажется, кивнула. – Хорошо. Я только что сказал, что при делении клетка изнашивается; если быть конкретнее, речь идёт о том, что, когда копируются её хромосомы, самые их кончики, так называемые теломеры, копируются не до конца. Понимаете? При каждом делении от хромосомы как бы отрывают хвостик. Этот хвостик не очень важен, а отрывают от него совсем чуть-чуть, но со временем он заканчивается, и такая клетка становится бесполезной. После этого происходит апоптоз, организм её убивает. И когда таких бесполезных, изношенных и мёртвых клеток накапливается слишком много, происходит сбой в каком-нибудь органе – и умирает весь человек.

Даня поймал себя на том, что не может оторваться от секретера, тапнул на смарте паузу и на минуту всё же обернулся. Шарп – судя по субтитру, Грег Шарп, PhD in Human Physiology, Head of Research at the «Pleiades» Lab[5 - Доктор биологических наук в сфере физиологии человека, глава исследовательского отдела в лаборатории «Плеяды» (англ.).] – был мужчиной к пятидесяти, с

демоническими залысинами и тяжёлыми чёрными бровями, как у пожилого испанца. Как и полагается американцу на публичном мероприятии, он сверкал неестественно-белыми зубами и ненормально гладкой кожей, но руки у него были будто чем-то обожжены, галстук приспущен, а свою импозантную седину он периодически ерошил совершенно мальчишеским жестом.

– Вы, наверное, хотите спросить: так что же это, ошибка или закономерность? При каждом делении клеток у хромосомы отрывается хвостик… что это – небрежность природы или Бог специально создал нас такими… конечными? Разумеется, духовный ответ на этот вопрос каждый может отыскать лишь индивидуально. Но науке уже известно, что в человеческом организме заложен и механизм противостояния этому процессу. Просто он… несовершенен.

Аудитория ахнула. Самого Даню не особо волновало, заложен ли механизм борьбы со старением и смертью в нас природой или некий PhD in Human Physiology изобрёл его абсолютно искусственно и в пробирке, но религиозных американцев, кажется, такая риторическая фигура впечатлила.

– Человеческий организм вырабатывает фермент под названием «теломераза» – да-да, даже по названию ясно, что он регулирует работу теломер. Собственно, надстраивает их. Как муравей, как неустанный строитель, он латает прорехи, возникающие при делении клеток, и возвращает им молодость: где вчера хвостик оторвался, там сегодня вырастает новый. И поймите главное, этот процесс уже происходит в вашем организме! В стволовых клетках, в половых клетках… Более того: не буду вдаваться в детали, но теломераза состоит из нескольких компонентов, один из которых обнаружен в организме повсеместно. По большому счёту, чтобы активировать деятельность теломеразы во всех ваших клетках, нужно всего лишь ввести в них определённый белок. – Шарп сделал драматическую паузу. – Так вот: это – возможно. Это – реально. Мы успешно провели подобные эксперименты на мышах и свиньях.

В зале напряжённо молчали.

– Я понимаю, что лекция моя была утомительна, – Шарп нервно взъерошил волосы, – так что, леди и джентльмены, подведу ещё раз итог. Теломеразная активность во всех клетках организма подразумевает их бесконечное деление.

Делает процесс жизни бесконечным. Это не просто ключ к бессмертию. Это ключ к идеальному бессмертию, к вечной молодости. И сегодня этот ключ – в наших руках. Спасибо за внимание.

Зал ахнул и разразился овациями. Покачивая кольцами в ушах, ведущая уважительно кивнула. Даня сообразил, что не только развернулся к телику, но уже даже не держит смарт в руках.

Но чёрт возьми, если этот Шарп говорит правду…

На экране появился оппонент физиолога – вероятно, уже не впервые, но только теперь Даня его рассмотрел. Питер Робертсон, PhD in Social Sciences, Founder of the «Lucidity» Movement[6 - Доктор социологических наук, основатель движения «Осознанность» (англ.).], был моложе и аккуратнее, в чёрном бодлоне и с пронзительными голубыми глазами, и хоть никакой религиозной символики на нём Даня не увидел, пасторский воротничок к этому бодлону так и просился. Оппонента Робертсон слушал со сдержанной печалью.

– Спасибо мистеру Шарпу за столь содержательную и подробную лекцию, – улыбнулся Робертсон, когда ведущая передала ему слово. – Жаль, что из-за ограничений регламента он не сумел вместить в своё выступление все подробности. Например, ему не удалось упомянуть, что клетки, подверженные бесконечному неограниченному делению, мы называем раковыми.

– Злокачественные клетки вредны не бесконечным делением, а тем, что… – воскликнул Шарп, но его микрофон, пискнув, умолк, и дальше он лишь смешно шевелил ртом, как рыба. Ведущая не стала ничего говорить и укоризненно покачала головой.

Робертсон мученически прикрыл глаза.

– Мистер Шарп, – сказал он тихо, – вы человек блестящей эрудиции, и я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей добросовестности. А потому уверен, что вы не станете спорить с фактами. В злокачественных образованиях, в раковых образованиях неизбежно наблюдается теломеразная активность. Более того:

некоторые современные методы борьбы с раком останавливают процесс малигнации, то есть их развитие, именно подавляя теломеразу. Посмотрите мне в глаза и скажите: я лгу? – Робертсон покосился на ведущую: – Пожалуйста, верните мистеру Шарпу микрофон, я готов поделиться с ним своим временем.

Шарп растерянно потеребил галстук. Кажется, он подбирал вежливые слова.

– Вы не лжёте, но намеренно создаёте неверное впечатление, – сказал он наконец; крупный план Робертсона на это обвинение отреагировал новой смиренной улыбкой. – Да, подавив теломеразу, можно остановить рост раковой опухоли. Но вредна опухоль не своим бессмертием, а тем, что неконтролируемое деление клеток ведёт к мутациям, нарушениям и так далее… Это как… вы предлагаете запретить ружья… нет, даже не так: предлагаете запретить все ножи только потому, что иногда ими можно убить. Да, если ввести такой запрет, ножевых ранений не станет. Но ведь и масло будет нечем мазать, и не в ножах тут проблема…

– Вы не вполне честны, – спокойно и твёрдо перебил Робертсон. – Посмотрите мне в глаза и скажите, что у человека, которому вы повысите теломеразную активность, не повысится вероятность онкологического заболевания.

Шарп покосился на ведущую, на зал, на оппонента. Вряд ли он был плохим оратором; но ему, кажется, сложно было сформулировать свою мысль так, чтобы его не поймали на неудачном слове.

– Повысится, – признал он наконец, и зал охнул. – Но послушайте, пожалуйста, подождите… Наука невозможна без риска. Прогресс невозможен без риска. Все наши эксперименты проводятся с осознанного согласия испытуемых, и возможные – вероятные – цели…

– …Не оправдывают средства, – холодно оборвал его Робертсон. – Что же касается осознанного согласия… тут позвольте мне прочитать небольшую лекцию. В конце концов, это уже моя сфера.

Титр на экране сообщил, что основанная Робертсоном некоммерческая организация Lucidity занимается как раз критикой, анализом и продвижением осознанного согласия – lucid consent (этот термин он ввёл сам). Зал оживлённо

зашевелился. Проблема согласия ему, кажется, была ближе, чем апоптоз с теломеразой.

– Вы в начале своего выступления спрашивали нас: что такое смерть? Мой же вопрос – скромнее и наверняка покажется дорогим зрителям менее фундаментальным, но я не уверен, что это так. Что такое согласие? Что такое осознанное согласие? – Робертсон приложил руку к сердцу. – Я сейчас выражаюсь не в юридических терминах, но на простом, бытовом языке «согласие» означает готовность человека что-то сделать. С этим термином сомнений нет. Главный вопрос: что такое осознанность? Говоря, опять же, простым языком, осознанное согласие подразумевает, что человек, дающий оное, понимал, на что идёт.

– Пока что эксперименты вообще проводились только на сотрудниках нашей лаборатории, – поспешил заметить Шарп. – Уж они-то точно понимали! Но если вас волнует возможность внешнего аудита, то есть общество хочет убедиться, что испытуемые действительно в полной мере информированы, что ж, это резонное требование, и мы готовы разработать…

– О нет, – покачал головой Робертсон, – вы неверно меня поняли, мистер Шарп. Конечно, ваши сотрудники информированы. Но доводилось ли им уже бороться с раком?

– Что? – моргнул Шарп.

Робертсон снова печально улыбнулся.

– Позволю себе небольшое отступление. Вам, без сомнения, известно, что такое изнасилование: половой акт, произведённый без восторженного и внятно задекларированного согласия одной из сторон[7 - «Восторженное согласие» – перевод реально существующего термина enthusiastic consent.]. Тем не менее, и для вас это не секрет, не всякое «да» означает да. Общество давно согласилось с тем – и не подвергает сомнению, – что не все люди могут дать согласие. Дети, тинейджеры, люди с ментальными заболеваниями, расстройствами аутического спектра, люди в депрессии, состоянии алкогольного и наркотического опьянения, ментальные инвалиды, недееспособные люди и люди в состоянии аффекта… думаю, мне не нужно перечислять дальше. Вряд ли вы будете

спорить с тем, что, даже если любой из этих людей говорит «да» в ответ на предложение секса, даже если кажется, что он или она согласны, полноценным согласием это не является.

Шарп скривился – кажется, ему и этот однозначный консенсус не казался таким уж однозначным, – но промолчал.

– Половой акт с человеком, неспособным дать согласие, является изнасилованием вне зависимости от того, кто и что сказал и какие эмоции испытывал, – продолжил Робертсон. – Это так называемое «статутное изнасилование»[8 - Statutory rape.]. И этот консенсус возник не на пустом месте! Люди… – он опустил ресницы. – Понимаете, люди – в целом довольно наивные и импульсивные существа. Наши головы полны когнитивных искажений, нашим вниманием легко манипулировать. Выставляя при входе стенды определённого цвета, супермаркеты настраивают людей на то, чтоб они покупали продукты такого же окраса – это называется прайминг. В видеосюжетах мы легко упускаем, как меняется одежда героев, атрибуты, фон, если только их связывает логичный сюжет. Это всё – естественные несовершенства нашего разума, но именно поэтому мы должны быть крайне консервативны и осмотрительны в любых вопросах, касающихся ключевых доминант бытия: жизни, смерти, здоровья, секса. И даже если некто утверждает, что он согласен на определённый эксперимент, мы должны трижды задуматься, точно ли этот кто-то в полной мере понимает, на что соглашается.

– Это здравые опасения, – медленно пробормотал Шарп, – но тут не понимаю уже я…

– Человек, никогда в жизни не испытывавший раковых болей, неспособен дать осознанное согласие на то, чтобы получить онкозаболевание! – неожиданно повысил голос Робертсон. Даже через щедрый слой грима щёки его зарделись. Если он актёрствовал, то актёрствовал блестяще – но куда больше похоже было на то, что вопрос в самом деле волнует его до глубины души. – Понимаете вы меня? Неспособен! Многие люди думают, будто сознают, на что вы их подписываете. Но это не так. Не так! Есть вещи, на которые невозможно дать осознанное согласие, и мучительное уничтожение организма злокачественными опухолями – одна из таких вещей!

– Да мне, мне хотя бы позвольте с собой это сделать! Уж я-то точно знаю, что это за шаг!

– В вас я не сомневаюсь. Но если общество позволит ставить такие эксперименты даже исключительно над сотрудниками вашей лаборатории, что помешает вам завтра нанять стажёрами десяток студентов?

– Да чёрт побери, в мире даже эвтаназия разрешена! – вскочил с места Шарп. Глаза его лихорадочно бегали, словно он искал, за что бы ухватиться, чтобы не сорваться окончательно.

– В некоторых странах Европы. Для безнадёжных больных, испытывающих страшные боли. И всё равно получают её единицы – именно потому, что многие тяжёлые больные уже не в состоянии дать осознанное согласие…

– Уж конечно, лучше пытать их комой и вытягивать из их семей сотни тысяч – вместо того чтобы найти в себе силы на решительный шаг! – огрызнулся Шарп. От такого попрания гуманистических ценностей в зале раздался сладкий вздох, полный негодования и наслаждения собственным негодованием. Шарп оглянулся с лёгким изумлением, вспомнил, где находится, и немедленно стёр с лица всякое выражение.

Робертсон смотрел на него прямо и пронзительно. В выражении его читалась нота милосердия и даже сочувствия по поводу зала, но в то же время видно было, что даже из снисхождения к оппоненту от идеалов своих Робертсон не отступится – слишком уж они были важны, слишком дороги.

Шарп ещё раз выдохнул, расстегнул верхнюю пуговицу и попробовал зайти с другой стороны.

– Мистер Робертсон, вы знаете, что наши возможности ограничены. Закон о… – Шарп скривился, – существах второй категории разумности, таких как слоны, дельфины и, что в нашем случае критично, шимпанзе и другие приматы, запрещает любые эксперименты с их участием. Если бы мы могли заняться хотя бы приматами… – он, видимо, сообразил, что этот тезис выставляет его в ещё более невыгодном свете, и вновь себя одёрнул. – Но да, согласие, снова согласие. В какой-то отдалённой степени приматы являются мыслящими существами, а дать согласие на эксперименты они не могут, поэтому общество решило их не трогать. Хорошо. Ладно. По большому счёту, польза от них всё равно была бы условной. – Он взъерошил волосы. – Нет, чтобы бороться со старением и смертью людей, экспериментировать нужно тоже с людьми. И

любой эксперимент, конечно, сопряжён с риском, с опасностью, такова суть исследований. Но… неужели вы не видите, что на другой чаше весов? Победив естественное старение, человечество смогло бы сделать качественный скачок. Взять хотя бы космические перелёты длиной во много тысячелетий – я, конечно, сейчас заглядываю далеко вперёд, простите, окей, давайте пример поближе – неужели вы не хотите, чтобы ваши родители, ваши близкие всегда оставались молодыми и здоровыми? Не хотите одолеть главную гидру нашего поколения, сердечно-сосудистые заболевания? Да, в последний раз в истории западного мира решительные эксперименты на людях ставили в чудовищных обстоятельствах, но мы занимаемся не евгеникой! Мы… мы хотим… – он в бессилии упал обратно на своё кресло и пробормотал: – Ведь всё уже почти исследовано. Всё уже почти открыто. Теоретическая база проработана. Первые экспериментальные образцы, наши первые пациенты, которых мы успели обработать до моратория, они же в порядке. Не всё идеально, но у них наблюдается существенный прогресс. – Шарп откашлялся, но голос его всё равно звучал сипло. – Мы уже почти переломили судьбу человечества. Не запрещайте нам это только из… общественных соображений. Пожалуйста, снимите мораторий. Отзовите законопроект. Он ошибочен.

Зал замер в потрясённом молчании. Ведущая смотрела на Шарпа так, будто он только что прилюдно совершил харакири.

– Ваши слова звучат очень сладко, – тихо ответил Робертсон, – они искушают. И не пытайтесь выставить меня луддитом, который ненавидит прогресс. Я бы сам с восторгом отправился в тысячелетнее странствие к звёздам. Но омерзителен прогресс, под колёса которого элиты считают допустимым бросать обывателей, и омерзительно общество, которое такой прогресс позволяет. Уважаемые специалисты в естественных и точных науках порой смотрят на науки социальные свысока. Пусть так: я готов признать за нашей сферой обслуживающую роль. Мы лишь технический персонал при мечте о звёздах. И всё же я предлагаю вам подумать вот о чём: успехи американской науки – ваши успехи – были бы невозможны без американской экономики, притягивающей к нам лучших специалистов со всего мира. А экономика эта была бы невозможна без свободы. Без демократии. Без общественной критики и ответственности, лежащей на каждом гражданине, без заботы о рядовом обывателе, защищающей нас от тирании. Если мы поступимся этим принципом, не останется ни звёзд, ни Америки. Поэтому я не дам вам им поступиться…

Дальше на видео ещё что-то происходило, из зала высказывались какие-то эксперты, а по ведущей ползали титры, но Даня уже не смотрел. И на видео с камер слежения он тоже не смотрел – а вместо этого лихорадочно гуглил.

Да, закон Робертсона – Колбридж действительно окончательно приняли в США полторы недели назад. Закон этот декларировал, что даже дееспособный взрослый гражданин не в состоянии дать осознанное согласие на медицинские эксперименты с репликацией клеток, потенциально провоцирующие онкологические заболевания, и, соответственно, запрещал такие эксперименты на людях и «существах второй категории разумности», beings of tentative sentience, то есть наиболее разумных животных.

В общем, русское название видео в кои-то веки было точнее оригинального. Получалось, что американцы в самом деле открыли путь к бессмертию – и сами же себе его запретили.

Интернет бурлил обсуждениями: глупость это или подлинная забота о людях, столь несвойственная сильным мира сего. Некоторые подмечали, что сама подобная дискуссия была бы невозможна ещё двадцать лет назад, когда общественный контроль был слабее и богатая корпорация могла втихую пролоббировать почти любой закон. Другие хватались за голову и называли услугу медвежьей. Третьи рассудительно обращали внимание на то, что в обществе с развитыми демократическими институтами хорошая идея погибнуть не может: Шарпа и его коллег ведь не заткнули, не сослали в лагерь – им просто запретили конкретный вид экспериментов на территории США.

А значит, заканчивали мысль четвёртые, если они захотят продолжать исследования, то наверняка вынуждены будут обратить взор за пределы родной страны.

Глава 4

Автопилот

Тульин открыл глаза.

На потолке торосами лежали тюлевые тени, зыбкие и невнятные: вот – лицо, вот – белый медведь (Ursa Major?), а вот как будто колышется от зимнего сквозняка Южная Америка. Блёклые, больничные рисунки, от которых не спасёт ни музыка ветра на форточке, ни кактус на подоконнике. Разгонять их умеет только электрический свет.

Он медленно поднял ладони и потёр лицо. Сел. С минуту тупо слушал, как заливается смарт, и не мог сообразить, что по этому поводу делать.

«Ваша машина подана».

Звонок смарта мог бы играть бесконечно – бесконечно же обновляясь. Процедурная музыка не всем ещё нравилась как род искусства, но польза её на звонках и будильниках была несомненна: к постоянно перерождающейся мелодии не привыкаешь. Не подпрыгнешь в баре, когда по радио вдруг заиграет трек, привязанный на начальника; не разовьёшь к набившему оскомину треку глухоту.

Тем не менее прозвеневший полтора часа назад будильник Тульин отключил, не просыпаясь.

Он больше не слышал будильники, потому что проводил ночи в чёрной колодезной яме, где не было снов. Ему не снились теперь ни мешок с апельсинами, ни кудрявая Маша и её отсутствие. Не снились длинные серые коридоры, по которым идёшь с одной только надеждой: чтобы они прекратились, и за каждым поворотом снова видишь всё тот же коридор, но и новый поворот тоже видишь, а значит, и новую надежду. И снова идёшь, и снова обманываешься, и снова в животе твоём перебирает отвратительно тёплыми лапами надежда, и как ты ни прижимай ей горло, всё она не умирает, стерва.

Надежда не подвержена апоптозу.

Тульину больше не снились разводы крови на экране смарта. Ему больше ничего не снилось. Просто по вечерам он закрывал глаза, а через мгновение открывал – и наступало утро.

Он был почти уверен, что это один из побочных эффектов работы в BARDO, о котором Гамаева и Сунага то ли забыли, то ли не пожелали сказать. Решили, что

испугается? Вроде ведь и талдычили нам учебники, что сны – лишь выхлопы мозга, немногим лучше дерьма или, скажем, пота; а всё равно мы видим в них что-то экзистенциальное, и если бы кто-нибудь пришёл к Тульину и предложил по сходной цене продать свои сны, он бы, наверное—

Он—

Чёрт с ним, с Сунагой, но Гамаева могла бы сказать и прямо. Уж она-то точно знала, что для него это не помеха.

Смарт снова рассыпался радугой напоминаний: через десять минут простоя водитель имеет право уехать, а если и не уедет, то дополнительная оплата – по бонусному тарифу, и не говорите, что вас не предупреждали, вы тыкнули галочку при логине.

Из общей вежливости в адрес человечества Тульин всё же повозюкал во рту зубной щёткой, но завтракать и так далее не стал. Вроде в BARDO стоял какой-то автомат с чипсами, да и вообще, не сахарный.

В коридоре он обнаружил, что не может найти ключи, и подумал, что это благовидный повод никуда не идти. Даже отыскал было в кармане смарт, но потом усмехнулся: Гамаева, пожалуй, знала о его жизни не всё, но что точно знала – так это что в квартире английский замок. Запирать его не требуется, выходишь – и он сам защёлкивается за спиной. Отговорка получится жалкой.

Поэтому на смарте Тульин отыскал не номер BARDO, а иконку приложения, чтобы позвонить на ключи, и спустился.

Последнее, чего он ожидал в такси, – это запах свежего хлеба, такой живой и золотистый, будто на заднем сиденье стояла печка. Впрочем, она бы сюда вписалась – к пёстрым вязаным чехлам на креслах и тапочкам с заячьими мордами на ногах водителя.

Водитель – водительница – оказалась женщиной лет двадцати пяти. «Вика Ивлева», – гласила карточка на приборной панели; девица на фотографии заламывала винтажную советскую таксистскую фуражку с таким видом, что

было ясно: на фотографию она потратилась затем лишь, чтобы повесить её копию в приложении для знакомств. Пшеничные волосы рассыпались по плечам, лукавый взгляд сулил что-то туманное, но прекрасное, и рука Тульина почти дрогнула, когда он машинально сфоткал карточку – будто ему не для безопасности, а зачем-то ещё.

Смарт послушно подписал лицо – будто уже знал девицу.

Впрочем, любого из нас, кто ведёт в сети хоть какие-то аккаунты, смарты знают. Долго ли – распознать текст, подтянуть данные из социальной сети?

С того самого сайта знакомств, может.

Реальная Вика, впрочем, на свой роскошный портрет была и похожа, и нет. Будто Тульин не в такси сел, а случайно вломился в чужую квартиру – а там женщина в домашнем: волосы собраны в небрежный хвост, выцветшая футболка, короткие джинсы, тапки эти нелепые – закинутые тонкими лодыжками прямо на приборную панель. Рядом с ногами Вики на панели лежали два смарта: один показывал иероглифы, во второй она говорила – а третий был воткнут рядом с приборной панелью и показывал фид с какой-то камеры; приглядевшись, Тульин рассмотрел спящего младенца.

Руки Вики были заняты каким-то цветастым хитроплетением. Она скользнула по Тульину тёплым и кокетливым взглядом – такой бывает у девушки, с которой вы крутили роман на первом курсе и расстались давным-давно, запомнив друг друга живыми и красивыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

«Диаспора», 1998. Перевод – автора книги.

2

«Необыкновенные приключения доктора», 1922.

3

Реакция «бей или беги» – англ.

4

Вечная молодость – статутное преступление? Дебаты, приведшие к появлению закона Робертсона – Колбридж (англ.).

5

Доктор биологических наук в сфере физиологии человека, глава исследовательского отдела в лаборатории «Плеяды» (англ.).

6

Доктор социологических наук, основатель движения «Осознанность» (англ.).

7

«Восторженное согласие» – перевод реально существующего термина enthusiastic consent.

8

Statutory rape.

Купить: https://tellnovel.com/golubeva_aleksandra/katasterizm

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити